

Е.В. Бурлуцкая (Банникова)*

E.V. Burlutskaya (Bannikova)*

Дамское счастье. К вопросу о степени комфортности повседневной жизни горожанок высшего и среднего круга в провинциальной губернской столице второй половины XIX в. **

Women's Happiness. On the Question of the Degree of Comfort of the Daily Life of the Townswomen from the Highest and Middle Circle in a Provincial Capital of the Second Half of the 19th century

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-13

УДК 94 (47).08 (470.56)

Выходные данные для цитирования:

Бурлуцкая Е.В. Дамское счастье. К вопросу о степени комфортности повседневной жизни горожанок высшего и среднего круга в провинциальной губернской столице второй половины XIX в. // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 13. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-13.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-13

How to cite:

Burlutskaya E.V. Women's Happiness. On the Question of the Degree of Comfort of the Daily Life of the Townswomen from the Highest and Middle Circle in a Provincial Capital of the Second Half of the 19th century // Historical Courier, 2019, # 3 (5). Article 13. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-13.pdf>

Abstract. The article is based on a wide range of published and archival sources and deals with the attitudes of women from upper and middle classes toward the conditions of their daily life in the urban community in the outlying Orenburg province in the second half of the 19th century. The article reveals the combination of conditions that determined the circumstances and characteristics of the private life of noblewomen and merchantwomen of the highest guilds in the capital of the region with difficult geopolitical, climatic and socio-economic conditions on the basis of narratives, newspaper publications, and works of fiction. Statements of contemporaries about environmental conditions, safety of city life, specifics of living conditions, and quality of social services for women from noble and merchant communities of Orenburg allow us to estimate how comfortable the daily life of city women was. Using examples from the private life of Orenburg female aristocrats, the author evaluates convenience of urban space for women, availability of fashionable and quality clothes for them, consistency between the actual state of urban society and women's expectations and other elements of comfort are evaluated. The sources used in the study show a high level of discomfort in the daily life of the townswomen due to the sharply continental climate, low level of improvement of urban public services, and the peculiar composition of the Orenburg society. In Orenburg, women were not safe, bored, and it was either too hot or too cold. There were clouds of dust and many unpleasant odors on the city streets. Presence of Asian people, who came to Orenburg for trade, and multitude of camels, which were used by the Asians as a mean of transportation, gave a distinctive local color to the urban space. During the second half of the 19th century conditions of everyday urban life were improving, gradually becoming more comfortable.

Keywords: daily life; province; city; post-reform era; woman; noblewoman; woman from merchants; comfort.

The article has been received by the editor on 24.02.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Бурлуцкая Елена Вадимовна**, доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Россия), e-mail: ida777@yandex.ru
Burlutskaya Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research Management, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia), e-mail: ida777@yandex.ru

** Статья опубликована в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17-31-00010 «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

Аннотация. В статье на основе широкого круга опубликованных и архивных источников освещается проблема удовлетворенности условиями своей повседневной жизни женщин высшего и среднего круга городского сообщества в окраинной Оренбургской губернии во второй половине XIX в. На основе нарративов, газетных публикаций, художественной литературы выявляется комплекс факторов, определяющих обстоятельства и характеристики частной жизни дворянок и купчих высших гильдий в столице региона, сложного как по геополитическим и климатическим, так и по социально-экономическим условиям. Приводятся свидетельства современников о качестве окружающей среды, степени безопасности городской жизни, специфике жилищных условий, уровне социальных услуг для женского дворянско-купеческого сообщества Оренбурга, позволяющие оценить степень комфортности повседневности горожанок. На примере отдельных ситуаций из частной жизни оренбургских аристократок оценивается удобство городского пространства для женщин, доступность для них качественной и модной одежды, соответствие городского общества ожиданиям его женской части, а также другие составляющие понятия «комфорт». Используемые источники демонстрируют высокую степень дискомфорта повседневной жизни горожанок, обусловленную резко континентальным климатом, низким уровнем городского благоустройства, специфическим составом оренбургского общества. Находиться в Оренбурге женщинам было опасно, скучно, слишком жарко или слишком холодно. На городских улицах было пыльно, неприятно пахло. Особый колорит городскому пространству придавали жители Азии, приезжающие в Оренбург по торговым делам, и множество верблюдов, служивших азиатам средством передвижения. На протяжении второй половины столетия прослеживалась эволюция условий повседневной городской жизни, постепенно приобретающих все более комфортный характер.

Ключевые слова: повседневность; провинция; город; пореформенная эпоха; женщина; дворянка; купчиха; комфорт.

* * *

В современной исторической науке проблемам гендера уделяется серьезное внимание. Изучение женского мира в различных социальных контекстах привлекает все большее число исследователей. Применительно к территории Оренбургской губернии имперского периода такие работы стали появляться относительно недавно. Исследование повседневной жизни провинциальных горожанок пореформенной эпохи на материалах Южного Урала, осуществляемое в рамках грантового проекта РФФИ «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)», затрагивает значительный круг вопросов, касающихся поведения, быта и психологии горожанок отдаленной юго-восточной провинции Российского государства. Накопленный материал позволил обратиться к освещению такой проблемы, как степень комфортности повседневной жизни провинциальных горожанок.

Как отмечает в своих статьях философ З.М. Хачецуков, «Комфортную повседневность социального бытия можно понимать в двух значениях: прежде всего как повседневное существование, наполненное удобствами, удовлетворяющими социальные нужды населения; в более широком смысле комфорт следует понимать как удобную для человека среду обитания и саму по себе оценку удобства этой среды»¹. Соответственно, в рамках изучения степени комфортности природной или социальной среды возможно как «исследование сущностных характеристик самой среды», так и «исследование ощущения субъекта от восприятия этих характеристик»². Исходя из этого определения в рамках данной статьи и будет осуществляться анализ комфортности повседневности оренбурженок в пореформенную эпоху.

¹ Хачецуков З.М. Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). С. 216.

² Там же.

Комфорт повседневной жизни, как совокупность ее удобства и безопасности, зависит от степени адаптированности индивида или социальной группы к окружающим условиям и предполагает, во-первых, уровень удовлетворенности субъекта своей повседневностью, а, во-вторых, наличие возможности что-либо изменить в этой повседневности для того, чтобы образы желаемого и действительного максимально совпали.

В отдаленном и относительно молодом Оренбурге в XIX в. женский пол постоянно испытывал физический и психологический дискомфорт. Образованная на юго-восточной окраине Российской империи Оренбургская губерния представляла собой регион, которому была определена роль стать фронтиром государства, его буфером между имперскими подданными и жителями азиатских степей. Во исполнение этой цели в губернию направляли, прежде всего, офицеров и солдат. В качестве рабочей силы (впервые – по просьбе первого Оренбургского губернатора И.И. Неплюева в середине XVIII в.) сюда переводили на жительство преступников, приговоренных к каторжным работам. Чуть позже к ним стали присоединяться купцы, пытавшиеся воспользоваться выгодами от азиатской торговли. Мало кто из военных или коммерсантов отваживался брать с собой в этот малоосвоенный регион жен или дочерей. Одна дорога из Петербурга в Оренбург в отсутствие железной дороги занимала более двух недель. Слабый женский организм плохо справлялся со множеством трудностей и опасностей, подстерегавших жителей губернской столицы.

Во-первых, погода здесь была далека от идеальной. Проезжавший через Оренбург в 1842 г. Теодор Фридрих Базинер, доктор философии и естествоиспытатель, участник российской научной миссии в Среднюю Азию, сообщал, что город «имеет лето Палермо и зиму Архангельска»³. По свидетельству уроженца Оренбурга, генерала Н.Г. Залесова, в середине XIX столетия «расположенный на песчаной, возвышенной равнине правого берега Урала, совершенно открытый для юго-восточных ветров, Оренбург нестерпим летом по своим жарам, а окружавшие его в то время крепостные стены, не допуская надлежащего движения воздуха, делали из города какое-то пекло, в котором зачастую не было возможности дышать»⁴.

Как отмечал Ф.И. Лобысевич – оренбуржец, полковник Оренбургского казачьего войска, зимой в Оренбурге были сильны холода, «увеличивающиеся от постоянного ветра и доходящие до 38° по Реомюру (ниже 45° градусов по Цельсию. – Е.Б.), лето же, преимущественно всегда пыльное, сухое и чрезвычайно знойное, доходящее до 35° по Реомюру (около 42° по Цельсию. – Е.Б.). Жар и удушливый ветер совершенно душат и жгут людей и природу [...] Собственно того очаровательного теплоприятного времени года, которое так благотворно на юге России и зовется весной, здесь не существует»⁵. В таком климате приезжим женщинам, по крайней мере поначалу, лучше всего было постоянно находиться в помещении, вообще не показываясь на улице.

Не способствовали комфорту и особенности местной почвы. Т. Базинер писал, что жители Оренбурга «меньше страдают от грязи, потому что дождь бывает редко и почва песчаная, чем от постоянной пыли, которая проникает в самые дальние помещения квартир»⁶. По словам оренбургского историка и педагога А.Е. Алекторова, все площади и большая часть улиц Оренбурга даже в 1880-х гг. были «немощенные, вследствие чего, при господствующей здесь сухости воздуха и при песчаном грунте, с каждым небольшим ветром весь город окутывается густым непроницаемым облаком пыли»⁷. Эта пыль «проникает в дома и покрывает в них полы, окна, мебель и все прочее; она садится на кусты и деревья и придает садам и палисадникам не совсем приятный вид»⁸. После каждой прогулки прислуге приходилось тщательно выбивать платья своих хозяек, поскольку длинные подола юбок

³ Цит. по: *Гра А.* Оренбург 40-х годов XIX столетия по описанию Базинера // Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Вып. XI. С. 9

⁴ *Залесов Н.Г.* Записки адъютанта // Русская старина. 1903. Т. 114. Апрель. С. 53.

⁵ *Лобысевич Ф.И.* Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб., 1878. С. 28.

⁶ Цит. по: *Дорофеев В.В.* Над Уралом-рекой. Челябинск, 1988. С. 134.

⁷ *Алекторов А.* История Оренбургской губернии / изд. 2-е. Оренбург, 1883. С. 121.

⁸ *Райский П.Д.* Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 2000. С. 70.

собирали на себя всю пыль, скопившуюся на дороге. В дождливую же погоду, когда немощные улицы превращались в болота грязи, прогулки становились совершенно невозможными.

Кроме того, санитарное состояние города также было далеко от совершенства. По словам генерала и военного писателя, уроженца Оренбурга Н.Г. Залесова, вода в городе «находилась далеко, улицы не поливались, дворы и отхожие места своевременно не чистились, а падаль сваливали за крепостью под самыми валами»⁹. Как отмечает краевед А.Е. Исковский, «лишь в первой части Оренбурга (условно центральная часть. – *Е.Б.*) дважды в день, особенно по Николаевской улице (ныне ул. Советская) проезжая часть очищалась от «конских яблок», а когда по Суринской (ул. Постникова) или Гостинодворской (ул. Кирова) улицам прогонялся скот на городские бойни, аромат держался до утра, как минимум»¹⁰. Не трудно представить, какими миазмами был пронизан городской воздух.

К стрессовым факторам добавлялась и постоянная опасность, исходящая от обитателей Степи. До середины XIX в. часты были нападения кочевников на жителей Оренбурга, отправлявшихся на покос или на выпас скота за Урал. Людей похищали, продавали в рабство в Хиву или Бухару.

Да и городское сообщество было весьма специфическим. Ф.И. Лобысевич сообщал, что оренбургское общество «преимущественно состоит из служащих и военных», которые попадают сюда двояким образом. Одни «бегут от шумной петербургской жизни» и долгов, «другие же попадают сюда административным порядком, в виде исправления» или вместо наказания долговой ямой. В последнее время «назначение сюда на службу представляло искупление [...] то за мотовство, то за мелкое плутовство, то за скандал, требующий удаления с глаз того общества, где он совершился, а то и просто для удаления от соблазна и греха»¹¹. Женщинам в таком обществе требовалось быть особо внимательными, дабы избежать опасной связи или нежелательного знакомства.

Значительную часть горожан составляли купцы-азиаты, мусульмане, обеспечивавшие Оренбург особым восточным колоритом. Так, читаем у А.Е. Алекторова: «Оренбург – скорее азиатский, нежели европейский город. Русское население его, в летнее время особенно, теряется в разношерстном сброде народов Азии [...] Летом на улицах Оренбурга на 20–30 азиатов можно встретить 2–3 из русских. Это обилие разнообразных азиатских типов, пестрота и оригинальность азиатских костюмов, непрерывные караваны верблюдов, почти исключительно всаднический способ передвижения и не на одних лошадях и верблюдах, нередко на ишаках и коровах, азиатская речь, сопровождаемая ревом верблюдов, – все это, вместе взятое, представляет весьма любопытное и подчас курьезное зрелище для приезжающих в Оренбург из внутренних местностей России»¹². И если у заезжих путешественников такая «азиатчина» вызывала лишь любопытство, местное женское сообщество, очевидно, испытывало неудобства, попадая в эту дикую «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний».

Даже Владимир Людвигович Дедлов (Кигн), служивший в 1891–1892 гг. чиновником особых поручений Министерства внутренних дел по переселенческим делам Оренбургской губернии и Тургайской области, оказавшись в Оренбурге по делам службы, сетовал, что «в других местах люди были более людьми, чем эти (т. е. оренбургские. – *Е.Б.*) киргизы, а верблюды более походили на творение Божие, чем верблюды здесь. Здесь это куча тулупов. На киргизе тулуп, его малахай – кусок тулупа, верблюд – тулуп, вывороченный наизнанку. И эта куча движется на четырех ногах, похожих на ходули; на длинной шее – всклокоченная овечья голова, которая ворочается в разные стороны как флюгер и жалобно стонет и рычит. И эдакими-то чудищами населены колоссальные области: Уральская, Тургайская,

⁹ Залесов Н.Г. Записки адъютанта... Т. 114. Апрель. С. 53.

¹⁰ Исковский А. Король ассенизации Оренбурга. Кто убирал улицы города в XIX веке? // Аргументы и Факты. 2017. № 47 (22 нояб.).

¹¹ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 27.

¹² Алекторов А. История Оренбургской губернии... С. 120–121.

Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская [...] Куда я заехал! Где построен этот Оренбург!»¹³.

Немало было и ловцов удачи, которых всегда привлекают новые места. В конце XIX столетия с прокладкой железной дороги к ним добавились крестьяне-переселенцы, искавшие лучшей жизни. Городской социум непрерывно менялся, то пополняясь новыми персонажами, то выбрасывая из себя очередные порции жителей, отправлявшихся в поисках счастья еще дальше. Как писал один из оренбургских журналистов конца XIX в., «все “россейские” пришлецы приходят сюда “на новы мястад” голые и бесприютные, нравственно убогие и алчные. Вообще состав городского населения крайне смешанный, постоянно меняется и немного найдется таких обывателей, для которых город есть родина, родной город, и которым обижать обывателя было бы жалко»¹⁴.

Тем не менее, постепенно в городе стало складываться вполне аристократичное женское общество, состоящее, преимущественно, из жен высших чиновников и офицеров. Большую роль сыграл в этом оренбургский генерал-губернатор граф В.А. Перовский, исполнявший обязанности начальника губернии в 1833–1841 и 1851–1857 гг. Василий Алексеевич, привыкший к блестящему столичному обществу, ослепительным балам, прекрасным дамам света, очевидно, скучал в «диком» Оренбурге. Одной из попыток унять эту скуку стало решение устроить в этом лежащем на краю света городе «маленький уголок Петербурга».

На главной улице Оренбурга было выстроено здание Благородного (дворянского) общественного собрания. Автором проекта выступил архитектор Александр Брюллов, старший брат знаменитого художника Карла Брюллова. Фасад особняка, построенного в духе позднего классицизма, украшали полуколонны дорического ордера, а окна – гипсовые розетки. Первоначальный интерьер Дворянского собрания отличала изящная, но богатая отделка, сохранившаяся до наших дней лишь частично. В Собрании стали давать великолепные балы.

П.П. Жакмон, сын начальницы Оренбургского девичьего института, в своих воспоминаниях писал: «Имея в своем распоряжении бесконтрольную сумму башкирского капитала, состоявшего из нескольких миллионов рублей, и полмиллиона рублей, отпускаемых ежегодно на угощение киргизов и на прием хивинских и бухарских посланников, В.А. Перовский сам для себя не пользовался ни одной копейкою этих денег, но употреблял их на устройство балов, пиршеств и празднеств для поддержания престижа своей власти. Так, например, за месяц или за два перед этими балами всем молодым дамам свиты В.А. Перовского высылались богатые дорогие материи и целые готовые платья, привозимые из Парижа специально для этой цели командированным туда фельдъегерем. На обедах и ужинах подавались раритеты вроде малины и клубники в зимние месяцы, а на каждом дамском приборе лежал прелестный букет редких цветов, выписываемых из Петербурга»¹⁵.

А.Н. Плещеев, описывая в повести «Пашинцев» бал в Оренбурге-Ухабинске, замечал: «Самый придирчивый столичный франт, окинув пытливым взором это многолюдное общество, сквозь вставленную в глаз лорнетку, не нашел бы ничего провинциального, отсталого; от всего веяло модой, утонченным вкусом, знакомством с столицей, словом – просвещением!»¹⁶. То же можно найти и у М. Михайлова, который констатировал: «Известно, что провинциальные города вообще страдают роскошью и изысканностью женских нарядов, но Оренбург, как центр военного и гражданского управления краем и, притом, как резиденция генерал-губернатора, подвержен этой мании в превосходной

¹³ Дедлов (Кигн) В. Л. Оренбург // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 9.

¹⁴ [Неизвестный] Воровство в Оренбурге // Оренбургский листок. 1887. № 3.

¹⁵ Цит. по: Скибин С.М. П.П. Жакмон: «Матери моей предстояла тяжелая задача...» // Гостиный двор. 2012. № 38. С. 317–318.

¹⁶ Плещеев А.Н. Пашинцев // Плещеев А.Н. Избранное: Стихотворения. Проза. М., 1960. С. 551.

степени. Доказательством наших слов могут служить здешние модные и галантерейные магазины, которые торгуют на большие суммы»¹⁷.

По воспоминаниям Т. Базинера, бал, посещенный им в Оренбурге, относился к празднествам, которые «лишь редко можно встретить, да и в редких местах [...] Здесь можно было видеть в мирном содружестве самые различные наряды Европы и Азии [...] и рядом с как бы парящими в своих легких газовых платьях женами военных и чиновников – неповоротливые супружеские половины русских купцов в тяжелых шелковых материях и перегруженные разнообразными, более или менее ценными украшениями. Я был очень рад заметить, что здесь не господствует, как в большинстве маленьких городов провинции, тот чванный кастовый дух, то внешнее соблюдение чопорного этикета, которое отнимает все волшебство у приятельского общения»¹⁸.

Действительно, кастового духа в Оренбурге не наблюдалось, поскольку тех, кого можно было отнести даже не к высшему, а просто к приличному обществу, здесь было совсем немного. Да и менялось это сообщество со скоростью картинок в калейдоскопе. Поэтому жестко отделять дворянский круг от, к примеру, купеческого, не было никакого смысла. Тем не менее, и в Оренбурге складывались соперничавшие друг с другом группировки. Как писал А.Н. Плещеев, «общество, как ни малочисленно оно было, делилось на бесконечные партии. Одна партия язвила другую; одна другую старалась затмить светскостью»¹⁹. Почти теми же словами описывал оренбургское общество Ф.И. Лобысевич: «Как и везде, общество делится на кружки: часть его, во что бы то ни стало, силится стать на аристократическую ногу»²⁰.

Оренбургское общество, как и большинство провинциальных социумов, было падко на новости, потому что жизнь в городе текла чаще всего вяло и однообразно. Дам интересовали новые моды, подробности семейных конфликтов, но более всего – свежие люди, появляющиеся в обществе: «...всякое появление новой особы сейчас заметно, точно постороннее тело, попавшее в известную массу; говорам, судам и пересудам нет конца»²¹.

С окончанием губернаторства В.А. Перовского оренбургская аристократия перестала получать специальные дотации «на модный наряд». При этом страсть к роскошествах у нее уже вошла в привычку. В результате, как писал М. Михайлов, «здешнее общество дошло до таких плачевных результатов, что на балы его являлось иногда не более трех дам, ибо прочие за невозможностью соперничать со счастливицами, хотя не без слез и ссор, оставались дома»²².

Действительно, соответствовать петербургским представлениям о моде, находясь в Оренбурге, было очень непросто. Дороговизна товаров в городских лавках смущала даже заезжих путешественников. Так, в книге М. Михайлова был приведен такой его разговор с одним из местных жителей: «...Вот вы хотите сделать сюрприз своей жене по своему вкусу – не выписывать же вам подобную вещь из столиц на чужой выбор, когда вы видите, что и в здешних магазинах много богатых материй и галантерейных вещиц. Вы преспокойно идете в тот или другой магазин, а там видят, что вам такая вещь нужна и преспокойно берут с вас втрое или вдвое. Будь конкуренция – другое дело! Не сойдется в цене в одном магазине, вы пошли бы в другой, а тут как магазинов мало, и каждый имеет свою специальность, то поневоле, если вам вещь нужна, вы без нее из магазина не выйдете»²³.

Даже спустя десятилетие в Оренбурге мало что изменилось. Как писал Ф.И. Лобысевич, «Зайдите в магазин галантерейных красных и колониальных товаров: вы хотя и найдете иногда, все, что хотите, но заплатите гораздо дороже того, что вещь стоит в Петербурге.

¹⁷ Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортком Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форты № 1. СПб., 1866. С. 38–39.

¹⁸ Цит. по: Дорофеев В. В. Над Уралом-рекой. Челябинск, 1988. С. 140–141.

¹⁹ Плещеев А.Н. Пашинцев... С. 571.

²⁰ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 21.

²¹ Там же. С. 26.

²² Михайлов М. Оренбургские письма... С. 40.

²³ Там же. С. 27.

Лучшие магазины здесь красных товаров В.Г. Кибиревой, Гладкова и Буслаева, галантерейных – Захо и Ладыгина, а бакалейных – Малышева и Скворцова, он же и кондитер; но о пирожных и конфетах его изделия мы умолчим, ибо это будет лучше»²⁴.

Не только купить что-то из одежды или украшений, но и обставить квартиру по своему вкусу горожанам было сложно. Т. Базинер, заказавший для себя в Оренбурге квартиру из Петербурга за месяц до своего приезда, нашел ее в следующем виде: «Хотя и здесь меблировка была крайне скромна: два стола наподобие кухонных, несколько столь же грубо сделанных стульев с деревянными сидениями и подобная же кровать...»²⁵. «Мебель составляет в Оренбурге редкость и хлопоты для приезжих, – писал Михайлов. – Если кто, по своим средствам, не может или из расчетов не желает выписать весь необходимый для него ассортимент мебели из Москвы или Петербурга, то в Оренбурге он должен запастись ею исподволь, посредством заказов, исполняемых весьма медленно, или покупать, что придется, с толчка. Бывает, что, при отъезде одного и приезде другого лица, мебель первого переходит к последнему [...] На толчке, обыкновенно, можно встретить только крашеную мебель – простые стулья, столы и кровати самой топорной работы [...] Мебельных лавок в Оренбурге нет, да и мебельных мастеров – крайних бедняков по большей части – тоже мало. [...] Рояли, которые встретите в здешних домах, все без исключения из столиц, зеркала – также, хотя последние уродливого фасона, более из Москвы»²⁶. Примерно о том же писал спустя 12 лет и Ф.И. Лобысевич, отмечавший, что «квартиры и гостиницы в Оренбурге не могут похвастаться комфортом; первые все без мебели (которую достать очень трудно и дорого), холодны и неудобны»²⁷.

После упразднения Оренбургской крепости в 1862 г. высшее общество губернской столицы существенно поредело. На первый план стало выходить купечество, активно осваивавшее не только региональные рынки, но и городское пространство, а также представители прочих социальных слоев. Этот «средний класс» стал предъявлять новые требования к качеству своей жизни. Под влиянием подобных настроений в 1864 г. в Оренбурге был открыт казачий клуб. Его основателями стали казачьи офицеры, которые «убедили свои семейства, что приличие и вкус нарядов выше их ценности [...] К казакам пристали и прочие лица среднего класса, мало по малу составилась сбор, а затем исходатайствовано было разрешение пользоваться залами благородного собрания. Недостаточные семейства ожили и можно сказать, что на казачьих вечерах несравненно веселее и многолюднее, чем на пышных съездах благородного собрания. К тому же и членский взнос наполовину менее: вместо 10 р. только 5 р. за весь зимний сезон. Жаль только, что танцевальная зала в доме собрания одна и оркестр далеко не из изрядных», – констатировал М. Михайлов²⁸.

В 1871 г. по инициативе оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского в Оренбурге было открыто Коммерческое собрание. В прошении Крыжановского министру внутренних дел А.Е. Тимашеву указывалось: «Принимая во внимание, что многочисленный торговый класс в Оренбурге ведет жизнь совершенно замкнутую и доселе чуждается всяких общественных развлечений, я нахожу в высшей степени полезным открытие предполагаемого коммерческого клуба, который не только будет содействовать сближению коммерческого класса между собой, но и с другими сословиями, и несомненно воздействует благотворно на развитое в нем (городе) полезной во всех отношениях общественной жизни...»²⁹.

В Благородном собрании зимой раз в неделю организовывали семейные вечера или маскарады, которые, по словам Ф.И. Лобысевича, имели «свой, какой-то оригинальный

²⁴ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 19.

²⁵ Цит. по: Гра А. Оренбург... С. 4.

²⁶ Михайлов М. Оренбургские письма... С. 35–36.

²⁷ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 16.

²⁸ Михайлов М. Оренбургские письма... С. 40.

²⁹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 14303. Л.2–2об.

характер; являются 35 дам и из них только 8–10 в домино и масках, а остальные в бальных платьях; мужчин замаскированных совсем не бывает; маски не подходят к мужчинам сами и не интригуют, а, большею частью, сидят и пыхтят от духоты и скуки; кавалеры же, преимущественно, состоят из офицеров квартирующих здесь войск и нескольких статских; многие отличаются оригинальностью в танцах и особенной манерой в танцах дергать и изо всей силы вертеть дам»³⁰.

С кавалерами в городе, действительно, было плохо. В самом начале своей повести А.Н. Плещеев замечал, что среди чиновников Оренбургской (Ухабинской) губернской канцелярии «находились даже молодцы, сморкавшиеся без платка; а уж лайковых перчаток не носил решительно ни один»³¹. Один из персонажей пьесы, ротмистр Амарантский, танцуя, «то и дело играл цепочкой и рисовался; а в разговоре употреблял самые вычурные, изысканные фразы, а la Марлинский»³². Он же, во время кадрили, которую играли на мотив «барыни» завил, что ему «эта кадрили напоминает Бетховена»³³. А сам Владимир Николаевич Пашинцев (главный герой повести) нравился барышням за то, что «не носил пестрых жилетов, не повязывал цветных галстуков, не выставлял напоказ позолоченной цепочки». Из-под воротника его пиджака не торчали «тесемочки, обличавшие присутствие манишки». «он не садился на кончик стула, поджав под него ноги; когда смеялся или был чем-нибудь удивлен, не хлопал себя по ляжкам и не приседал; никогда не хихикал, закрывши себе рот рукой; никогда не торчал из его кармана кончик клетчатого бумажного платка и никогда не свертывал он своих батистовых платков в клубочек»³⁴. Это повествование «от противного» ярко свидетельствует о том, какова была основная масса мужчин из оренбургской аристократии. Офицеры Оренбургского линейного батальона, по воспоминаниям Н.Г. Залесова, свое свободное время «проводили или в компании с писарями разных управлений корпуса или в кутежах с женщинами легкого поведения, причем весьма часто попойки кончались дракой»³⁵.

Возможно, даже такие кавалеры могли бы составить счастье одной из оренбургских барышень. Но значительная часть горожанок Оренбургской губернии имела «внешнее» происхождение – по данным переписи 1897 г., 35,3 % от их состава были уроженками других губерний³⁶. Среди проживавших в Оренбурге дворянок это число было еще выше и достигало 42 %³⁷. И хотя большинство приезжих женщин родились в Казанской, Уфимской и Самарской губерниях, в Оренбурге оказывались и уроженки столиц (155 человек³⁸ или 0,44 % горожанок). Думается, что им вряд ли были по сердцу оренбургские кавалеры, потому что, как писал А.Н. Плещеев, человек «не вполне достойный любви, но вполне приличный, всегда скорее нравится ей, нежели тот, у кого эти свойства наоборот»³⁹. Н.Г. Залесов, к примеру, сообщал, что с офицерами линейного батальона оренбургские барышни предпочитали не общаться – «или вовсе не смотрели, или бросали презрительный взгляд с тем, чтобы сейчас же отвернуться». Лишь несколько «перезрелых барышень» согласились танцевать с ними на танцевальном вечере кадрили, «но и тут не без злости», делая «самую кислую гримасу»⁴⁰.

³⁰ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 23–24.

³¹ Плещеев А.Н. Пашинцев... С. 546.

³² Там же. С. 555.

³³ Там же. С. 554.

³⁴ Там же. С. 598.

³⁵ Залесов Н.Г. Записки адъютанта... Т. 114. Апрель. С. 54.

³⁶ Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Сословный состав городского населения Оренбургской губернии и социографические характеристики его женской составляющей по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 109.

³⁷ Там же. С. 110.

³⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1905. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. С. 22, 24.

³⁹ Плещеев А.Н. Пашинцев... С. 598.

⁴⁰ Залесов Н.Г. Записки адъютанта... Т. 114. Апрель. С. 53.

В «Оренбургской газете» за январь 1901 г. были размещены объявления о зимних увеселениях, которые ожидали жителей Оренбурга. Так, в помещении Общественного собрания 21 января планировался танцевальный вечер в пользу благотворительного общества при римско-католической церкви, 8 февраля на Масляной неделе ожидался ежегодный художественно-костюмированный бал Оренбургского общества любителей художеств. А Совет старшин Оренбургского коммерческого собрания объявлял о том, что в январе-феврале в том же зале Общественного собрания должны были состояться семейные вечера и «членские маскарады». Гости вечеров, по рекомендации членов Общества, должны были заплатить за вход по 1 руб. 10 коп. «Вход масок в дни членских маскарадов и дам, не принадлежащих к семейству членов» на все эти вечера предполагался по билетам, за получением которых следовало обращаться в Коммерческое собрание к дежурному старшине. Начало вечеров планировалось в 9 часов вечера. Форма одежды для штатских определялась просто – «в сюртуках». Маскарад ожидался и по окончании спектакля «Царь Федор Иоаннович», который должен был состояться 14 января в городском театре⁴¹.

Несмотря на довольно широкое предложение, участницами балов и маскарадов в итоге становилась очень небольшая часть горожанок. Открытое нежелание оренбуржцев тесно общаться с земляками было отмечено неоднократно. М. Михайлов, рассказывая о вариантах летнего отдыха горожан, описывал палаточные дачные городки, состоящие из киргизских кибиток. «Подобных, наскоро импровизированных, дач в окрестностях Оренбурга можно встретить немало, – писал путешественник, – но все они располагаются отдельно одна от другой, как будто оренбуржцы сами бегут общества»⁴². А в оренбургских газетах того времени встречались такие анекдоты, как, например, «Охотники на праздниках»:

– Я всегда провожу праздники в лесу на охоте...

– Почему так?

– Нахожу, что приятнее иметь дело с медведями, чем с визитерами⁴³.

Возможно, причина нежелания общаться с соседями крылась в чрезвычайной пестроте городского населения, собранного из самых разных регионов России и мира. В конце XIX в. среди жителей Оренбурга из 72 425 чел. обоюбого пола 28 611 (39,5 %) были уроженцами других губерний, а 159 (0,2 %) – других государств. Русский язык своим родным языком в губернской столице считало 55 611 чел. (76,8 %), татарский – 11 306 чел. (15,6 %), башкирский – 1411 чел. (1,9 %), «еврейский» (так в источнике) – 1167 чел. (1,6 %), мордовский – 896 чел. (1,2 %), киргизский – 385 чел. (0,5 %). Большинство приезжих россиян происходили из Казанской, Самарской или Уфимской губерний. Иностранцы же местом рождения указывали чаще всего Германию (53 чел.) и Австро-Венгрию (22 чел.), хотя в Оренбурге встречались уроженцы даже таких экзотических мест, как, например, Португалия (11 чел.)⁴⁴. Не редкостью в Оренбурге были выходцы из Бухары (19 чел.) и Хивы (14 чел.), к тому времени вошедших в состав Российской империи.

Ф.И. Лобысевич констатировал, что в Оренбурге «дворянства местного почти нет или, по крайней мере, оно здесь не играет никакой роли; купечество держится особняком, и в общество, в собрание является из них лишь несколько дам, замечу мимоходом, очень состоятельных и очень хорошеньких; для остальных, кроме театра и катанья, все общественное закрыто: ни они никуда более, ни к ним никто»⁴⁵.

Катанья по городским улицам для горожанок также нельзя назвать комфортным времяпрепровождением. На страницах работы Ф.И. Лобысевича язвительно сообщалось, что «верно в целом мире нет и хуже извозчиков, и такого фасона экипажей, как здесь. Все экипажи какие-то длинные долгуши, зовущиеся здесь «тарантасами»; да хоть бы прочные были эти тарантасы, а то большинство перевязано и укреплено веревочками, старо,

⁴¹ Оренбургская газета. 1901. № 1116.

⁴² Михайлов М. Оренбургские письма... С. 47.

⁴³ Оренбургская газета. 1901. № 1116.

⁴⁴ Первая всеобщая перепись населения... С. 2, 22, 24, 26, 56–57.

⁴⁵ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 21.

грязно и гадко, и никому, – ни думе, ни полиции, ни владельцам, – нет до этого дела...»⁴⁶. Старые и поломанные экипажи представляли весомую угрозу для пассажиров. Внешний вид оренбургского транспортного средства и управлявшего им извозчика привлек внимание и В.Л. Кигн-Дедлова, проезжавшего через город в конце XIX в. «С вокзала вас везет извозчик странного вида. Странен он сам, потому что он татарин; странна его беспокойная, плохо выезженная лошаденка киргизской породы; но странней всего экипаж: маленькая долгуша на дрогах», – отмечал автор⁴⁷.

Для того, чтобы выезд на прогулку не закончился драмой, лучше всего было иметь собственных лошадей и повозку, или, в крайнем случае, брать их в аренду. Н.Г. Залесов вспоминал, что в середине 1850-х гг. в Оренбурге он встретил «запряженную парой в дышло огромную долгушу или по-оренбургски «карандас», на которой сидело несколько дам и адъютантов – это каталось семейство начальника штаба корпуса генерала Бутурлина»⁴⁸. А в «Оренбургском листке» за январь 1877 г. было размещено объявление следующего содержания: «Для катанья в наступающую масленицу можно получить лошадей тройками в приличных санях, за сходную цену, в доме Овсянникова близ рыбных лавок»⁴⁹.

В газете «Оренбургская жизнь» неизвестным автором была помещена статья, посвященная забастовке оренбургских извозчиков, прошедшей 4 мая 1907 г.⁵⁰ В обзоре протестной акции было сказано: «Ни в одном из соседних городов нет ничего подобного нашим перевозочным средствам. Вместо лошадей – одры («одрами» или «одёрами» называли старых лошадей, которых пора было отправлять на живодерню. – Е.Б.), вместо экипажей какие-то трясогузки – грязные, ободранные, разбитые рыдваны. На облучке немытая, под масть своему «ковчегу», фигура. Все это так, все это действительно требует реформы»⁵¹. При этом транспорт во многом был показателем общественной культуры горожан и тем вариантом городского благоустройства, с которым чаще всего приходилось сталкиваться приезжим.

К концу века возможным способом проведения досуга стали прогулки по городским паркам, скверам и бульварам, которые с середины столетия стали обустраиваться в центральной части Оренбурга. Так в середине 1850-х гг. появился Губернаторский сад близ Караван-сарая, в 1863 г. были заложены Александровские скверы, в 1883 г. – бульвар на набережной Урала, названный Беловкой, в 1889 г. – Тополевый сад⁵². Центральные улицы были вымощены, тротуары заложены каменными плитами. В результате получилось почти как в Петербурге. Ф.И. Лобысевич так охарактеризовал центральную улицу города: «Эта улица – наш Невский проспект: тут и гулянье, и катанье, и лучшие магазины, и все, что хотите»⁵³.

Променады по магазинам к концу века стал еще одним излюбленным вариантом времяпрепровождения горожанок. Средоточием наиболее цивилизованных пунктов стационарной торговли стал оренбургский Гостиный двор, занимавший целый квартал. Там находились галантерейные, бакалейные и прочие магазины, сулившие дамам гастрономические и эстетические удовольствия. Множество торговых точек находилось и на главных улицах Оренбурга – Николаевской (ныне ул. Советская) и Гостинодворской (ныне ул. Кирова). Так, реклама сообщала, что в чайном и бакалейном магазине купца А.Н. Захо на Николаевской улице «получены свежие апельсины, лимоны и крымские яблоки»⁵⁴, в

⁴⁶ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 19.

⁴⁷ Дедлов (Кигн) В.Л. Оренбург // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 14.

⁴⁸ Залесов Н.Г. Записки адъютанта // Русская старина. 1903. Т. 114. Кн. 6. Июнь. С. 541.

⁴⁹ Оренбургский листок. 1877. 30 янв. № 5.

⁵⁰ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 518. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 4об.

⁵² Бурлуцкая (Банникова) Е.В., Абдрахманов К.А. Прогулки как вариант досуговой повседневности горожан Оренбурга во второй половине XIX в. // Клио. 2018. № 12 (144). С. 87–93.

⁵³ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург... С. 16.

⁵⁴ Оренбургский листок. 1877. 30 янв. № 5.

магазине П.А. Ишкова только что получены «свежие конфеты, шоколадные, открывные (видимо, в бумажной обертке. – *Е.Б.*), марципаны и разная карамель. Много новых сортов. Чайное печенье всех известных фирм, весовое, в коробках и роликах, новость – печенье пью-пью. Вафли в коробках, пачках и тортами. Шоколад для варки кофе, какао русских и зарубежных фирм, а также всегда в большом выборе все кондитерские и бакалейные товары последних новинок. Ежедневно свежие сушки всех сортов. Печенье, пряники, сухари, коврижки, миндальное и чайное печенье, конфеты и тянучки собственного производства». Тут же магазин А.О. Леска зазывал покупательниц вновь полученным из-за границы небывалым выбором «кружев, тюлей, аграмантов, рюшей, аппликаций и фигаро, затканых золотом и серебром, газов, муслинов де-шифон и креп де-шинов»⁵⁵.

В крупных российских городах в это время стали появляться новые формы стационарной торговли – пассажи. Один из проектов такого торгового центра для Оренбурга был разработан московским специалистом – инженером С.И. Явдынским. В Государственном архиве Оренбургской области содержится «Заявление инженера С.И. Явдынского о желании его взять на себя переустройство южной стороны гостиного двора и устройство пассажи поперек двора на следующих условиях»: пассаж должен был включать в себя «помещение городского общественного банка, библиотеки и ломбарда, аптеки, аптекарского магазина, роскошно обставленных пивных, а равно торговые помещения, расположенные внутри двора в здании, сооруженном в виде пассажи»⁵⁶. Проект предусматривал, помимо строительства магазинов и сопутствующих им помещений, обязательное устройство ресторана и жилых пространств «для правительственных, сословных и общественных учреждений». Помимо этого, в проекте было заложено, что «все здания будут иметь центральное водяное отопление, уборные для общего и частного пользования, электрическое освещение, в случае если я не сойду с цене с городской электрической станцией. Все сооружения будут обеспечены в противопожарном отношении»⁵⁷.

Ах, как, наверное, ожидали открытия пассажи зажиточные горожанки! Но, как неоднократно происходило в оренбургской градостроительной практике, ограниченный бюджет и отсутствие единого мнения среди гласных местной думы не позволили появиться на свет принципиально новому объекту торговой инфраструктуры. Отказ оренбургского самоуправления от строительства такого современного центра торговой жизни в своей работе прокомментировал В.В. Дорофеев: «В 1911 году объявили конкурс на проект, выбирали то самый лучший, то самый дешевый, потом решили строить городом, а не в концессию. Денег же опять оказалось мало, вернулись к вопросу о концессии, так и дотянули до 1914 года, на том все и заглохло»⁵⁸.

Порадовать женскую часть высшего городского сообщества могла не только прогулка по магазинам, но и, например, посещение хорошего ресторана. Один из наиболее дорогих и шикарных ресторанов Оренбурга находился при гостинице «Европейская», открывшейся в 1876 г. В нем давались, наверное, лучшие в городе обеды. Так, ресторанное меню на 14 января 1901 г. состояло из следующих блюд: «Суп россис с пирожками. Котлеты пожарские. Судак орли. Пломбир». Второй вариант включал в себя «Щи николаевские и ватрушки. Лангет соус пикан. Пломбир». 15 января гостей ресторана предполагалось потчевать таким набором блюд: «Консоме борщик с дебелиями («дебели» – это, видимо, «дьябли»), сырны гренки с кайенским перцем – такое же блюдо в 1907 г. подавали в петербургском ресторане «Палкин». – *Е.Б.*) Каракеты из дичи. Жаркое телятина. Самбук фруктовый» или «Щи ленивые и ватрушки. Буженина. Трубочки со сливками»⁵⁹. Судя по ассортименту блюд, в начале XX в. оренбургские рестораторы, несмотря на провинциальное положение города, могли удовлетворить самые взыскательные вкусы городских обывателей.

⁵⁵ Оренбургская газета. 1901. № 1116.

⁵⁶ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1060. Л. 3.

⁵⁷ Там же. Л. 4.

⁵⁸ *Дорофеев В.В.* Над Уралом-рекой... С. 176–177.

⁵⁹ Оренбургская газета. 1901. № 1116.

В целом следует констатировать, что за вторую половину XIX столетия Оренбург проделал колоссальный путь от «чертовой песочницы» с «полуазиатской физиономией» до вполне цивилизованной губернской столицы. Неудобства повседневной жизни, которые омрачали жизнь горожанок в середине века, постепенно исчезали из повседневности. В городе появились мостовые, парки и скверы, открылись магазины и рестораны, предлагающие своим посетителям вполне достойный ассортимент товаров и услуг. Редкие в середине века балы сменились традиционными семейными вечерами, маскарадами и театральными сезонами. Жизнь горожанок высшего и среднего круга стала ощутимо более комфортной. Конечно, полностью избавиться от неудобств не удалось. В городе сохранялась транспортная проблема, не слишком хорошо обстояло дело борьбы с преступностью. Тем не менее Оренбург постепенно приобретал весьма приятный облик, превращаясь в один из наиболее благоустроенных провинциальных городов.

Литература

Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии / изд. 2-е. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1883. II, 128 с.

Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Сословный состав городского населения Оренбургской губернии и социографические характеристики его женской составляющей по данным первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (26). С. 105–120.

Бурлуцкая (Банникова) Е. В., Абдрахманов К. А. Прогулки как вариант досуговой повседневности горожан Оренбурга во второй половине XIX в. // Клио. 2018. № 12 (144). С. 87–93.

Гра А. Оренбург 40-х годов XIX столетия по описанию Базинера // Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Губернская Типо-Литография, 1903. Вып. XI. С. 1–10.

Дедлов (Кигн) В.Л. Оренбург // Дедлов (Кигн) В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К°, 1894. С. 7–15.

Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1988. 272 с.

Залесов Н.Г. Записки адъютанта // Русская старина. 1903. Т. 114. Кн. 4. Апрель. С. 41–64; Кн. 6. Июнь. С. 527–542.

Исковский А. Король ассенизации Оренбурга. Кто убирал улицы города в XIX веке? // Аргументы и Факты. 2017. № 47. 22 ноября.

Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб.: Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.

Михайлов М. Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортом Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб.: тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. 110 с.

[Неизвестный автор.] Воровство в Оренбурге // Оренбургский листок. 1887. № 3.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А.Тройницкого. СПб.: Типография «Товарищества Художественной печати», 1905. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. 198 с.

Плещеев А.Н. Пашинцев // Плещеев А.Н. Избранное: Стихотворения. Проза. М.: Гослитиздат, 1960. С. 508–632.

Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург: Оренб. кн. Изд-во, 2000. 176 с.

Скибин С.М. П.П. Жакмон: «Матери моей предстояла тяжелая задача...» // Гостиный двор. 2012. № 38. С. 313–326.

Хачецуков З.М. Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). С. 214–219.

References

Alektorov, A. (1883). *Istoriya Orenburgskoy gubernii* [History of Orenburg Province]. Orenburg.

Burlutskaya (Bannikova), E.V. (2018). Soslovniy sostav gorodskogo naseleniya Orenburgskoy gubernii i sociograficheskie harakteristiki ego zhenskoy sostavlyayushhey po dannym pervoy vseobshney perepisi naseleniya Rossiyskou Imperii 1897 g. [The class composition of the urban population of the Orenburg province and the sociographic characteristics of its female component according to the first general census of the Russian Empire in 1897]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (26), pp. 105–120.

Burlutskaya (Bannikova), E.V., Abdrahmanov, K.A. (2018). Progulki kak variant dosugovoy povsednevnosti gorozhan Orenburga vo vtoroy polovine XIX v. [Walking as a variant of leisure time of daily life of Orenburg citizens in the second half of the XIX century]. In *Klio*. No. 12 (144), pp. 87–93.

Dedlov (Kign), V.L. (1894). Orenburg. In *Dedlov (Kign), V.L. Pereselency i novye mesta. Putevye zametki*. St. Petersburg, pp. 7–15.

Dorofeev, V.V. (1988). Nad Uralom-rekoy [Over the Ural River]. In *South Ural Book Publishing*. Chelyabinsk, Russia. 272 p.

Gra, A. (1903). Orenburg 40-h godov XIX stoletiya po opisaniyu Bazinera [Orenburg 40-ies of the XIXth according to the Businers' description]. In *Trudy orenburgskoy uchenoy arhivnoy komissii*. Vol. XI, Orenburg, pp. 1–10.

Hachecukov, Z.M. (2013). Socialniy komfort v kontekste transformacionnikh processov v strukture sovremennoy rossiyskoy povsednevnosti [Social comfort in the context of transformation processes in the structure of modern Russian daily life]. In *Vestnik Universiteta MGIMO*. No. 2 (29), pp. 214–219.

Lobysevich, F.I. (1878). *Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskiy ocherk* [The City of Orenburg: a Historical and Statistical Essay], St. Petersburg. 60 p.

Mikhaylov M. (1886). *Orenburgskie pis'ma dlya zhelayushhih oznakomit'sa s Orenburgom, Orskom, Troitskom, Fortom Aleksandrovskim i dorogoyu cherez Kirgizskuyu step' do Forta № 1* [Orenburg Letters for Those Who Want to Learn about Orenburg, Orsk, Troitsk, Fort Alexandrovsky and the Way through the Kyrgyz Steppe to Fort 1]. St. Petersburg. 110 p.

Pervaya vseobshhaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897. (1905). Tom XXVIII: Orenburgskaja gubernija [The First Census of the Russian Empire. Volume XXVIII: Orenburg Governorate]. St. Petersburg.

Pleshchev, A.N. (1960). Pashintsev. In *Pleshchev, A.N. Izbrannoe: Stihotvoreniya. Proza*. Moscow, Goslitizdat, pp. 508–632.

Rayskiy, P.D. (2000). Putevoditel po gorodu Orenburgu. [A guide to the city of Orenburg], Orenburg Orenburg book publishing house. 176 p.

Skibin, S.M. (2012). P.P. Zhakmon: “Materi moyey predstoyala tyazhyolaya zadacha...” [P.P. Zhakmon: “My mother faced a difficult task ...”]. In *Gostiniy dvor*. No. 38, pp. 313–326.

[Unknown]. (1887). Vorovstvo v Orenburge [Theft in Orenburg]. In *Orenburgskiy listok*. No. 3.

Zalesov, N.G. (1903). Zapiski ad'yutanta [Adjutants Notes]. In *Russkaya starina*. Vol. 114. B. 4. April, pp. 41–64; Vol. 6. June, pp. 527–542.

Статья поступила в редакцию 24.02.2019 г.